

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВРЕМЯ ФАНТАЗИЙ.

Глава первая.

СВАДЬБА АННЫ

– Когда Великий Ун, Верховный бог, делил землю между людьми, мои предки опоздали к раздаче. Они вообще никогда не торопятся. И, кажется, их мало огорчило, что им достался Третий мир, а не Второй и не Первый. Ты можешь себе это представить? – худенький черноголовый мальчик лет восьми обращался к кому-то невидимому, прячущемуся, судя по направлению его взгляда, на верхней полке грубо сколоченного деревянного стеллажа. Стеллаж был плотно заставлен банками с домашними разносолами.

– Хотя существует еще одна версия событий. – Важно сообщил мальчик. Он поудобнее устроился на деревянном ящике, в котором доживал последние дни прошлогодний картофель, и положил к себе на колени толстенную книгу в изрядно потрепанном переплете. На корешке переплета причудливой красной вязью струилась надпись – «Легенды и предания Третьего мира». Руки, держащие книгу, точнее кисти рук были какими-то уж слишком большими для ребенка, они уместнее смотрелись бы на теле взрослого великана, но мальчику эта диспропорция не доставляла никаких неудобств: он довольно ловко открыл своими большими пальцами книгу, перелистнул титульный лист и начал читать:

– «Давным-давно, когда не было на земле ни миров, ни городов, ни границ, а люди жили отдельными племенами, к Великому Уну пришли представители трех племен и попросили разделить между ними землю, так чтобы каждая группа людей владела своей собственной территорией.

– Что помогает вам зарабатывать на хлеб насущный? – Спросил их Верховный бог.

Один из них тут же ответил:

– Голова.

Второй сказал:

– Руки.

Третий молчал. Он не знал, что сказать. И тогда Бог разделил землю на три мира. В Первом мире, который еще называют миром Вечной Зимы, отныне стали жить Большеголовые и зарабатывать на жизнь своим умом». – Мальчик оторвал взгляд от книги и вновь перевел его на верхнюю полку стеллажа, решив что официальной версии событий не помешают дополнительные комментарии:

– Да, Большеголовые очень умные и все время изобретают разные крутые штуки, а потом продают их в другие миры. Они богатые, им все завидуют. Зато с погодой им не повезло: в Первом мире всегда холодно, пасмурно и неуютно, б-р-р. – Мальчик съежился и замолчал, словно представив себе, каково это, когда за окном Вечная зима, а затем продолжил. – Вот у нас, в

Третьем мире, Вечного Лета, всегда солнечно и тепло. У нас даже воткнутая в землю палка цветет и дает плоды. И уж мы-то, Большерукие, умеем работать руками, – мальчик поднял к лицу свои огромные руки и с гордостью потряс ими в воздухе, – но, – послышался тяжелый вздох, – ручной труд ценится все меньше и меньше, поэтому мы так бедны. Несправедливо, да? – Невидимый собеседник по-прежнему безмолвствовал, но мальчика, похоже, его молчание ничуть не смущало. Он снова вернулся к чтению книги:

– «Во Втором мире живут те, кто так и не смог определиться с родом занятий, – Ното *Ordinarius*, Человек Обыкновенный. У них нет выдающихся частей тела, они занимаются разной работой. И зима у них сменяется летом, а лето зимой. Третий мир, мир Вечного Лета, достался Большеруким. Они зарабатывают на жизнь своими руками...» Ну, ты это уже знаешь. – Мальчик захлопнул книгу и задумчиво проговорил, – но вот чего я не могу понять, так это, почему мы оказались в Третьем мире, если вторыми ответили Великому Уну на его вопрос? Нам должны были дать Второй мир, а Обыкновенным, которые думали дольше всех, – Третий. Правда? Нет, все-таки они чего-то не договаривают. Я думаю, что на самом деле мои предки опоздали к раздаче и получили то, что осталось. – Мальчик захлопнул книгу, поднялся с ящика и сделав всего два шага оказался у стеллажа, – помещение, в котором он находился, казалось очень тесным. Он ловко просунул свою правую руку между двумя банками с маринованными помидорами и накрыл ей того, кто прятался в глубине полки.

– А вот сверчки везде одинаковые!

На этот раз в ответ на его слова раздался недовольный стрекот. Мальчик аккуратно сомкнул пальцы руки, заключив в этот импровизированный домик сверчка, и приблизив его к своим губам, прошептал:

– Я ненавижу Обыкновенных, потому что они отняли у меня родителей, а теперь хотят отнять и сестру.

Пальцы большой ладони медленно разжались, и пленник тотчас же, в один прыжок, вернулся обратно на полку.

– Дорин, ты где? Эй, пора одеваться, – голос мамы прозвучал совсем рядом. Через пару секунд дощатая дверь с жалобным скрипом распахнулась и Мария, мама Дорина, возникла на пороге, меряя сына строгим взглядом, – а, я так и знала, что ты опять спрятался в кладовке! Как будто здесь медом намазано. Пошли. Все ждут только тебя.

Дорин посмотрел на маму и ему так захотелось прижаться к ней, уткнуться носом в прохладный шелк ее праздничного небесно-голубого платья. Попросить ее никуда не ходить, а просто обнять его и остаться с ним здесь, но вместо этого он опустил голову и молча, не глядя на маму, побрел из своего убежища в коридор.

Церемония венчания тянулась бесконечно долго. В их маленьком селе Пуццоланы имелся всего один небольшой храм. Храм богини Ратши. Внутри было душно, и на втором часу действия выражение

благообразного умиления на лицах большинства присутствующих постепенно сменилось честной усталостью и невысказанным «быстрее бы уже». Белая рубашка Дорина прилипла к телу, а новый дурацкий костюм, в который его заставила облачиться мама, сковывал движения как рыцарская броня. Однако телесные муки не шли ни в какое сравнение с душевными страданиями мальчика. Все происходящее вызывало у него нескрываемое отвращение. И как только все остальные могут делать вид, что ничего особенного не происходит?

Его любимая сестра, восемнадцатилетняя Анна, выходит замуж за чудовище. Дорин бросил неприязненный взгляд на жениха сестры. Было заметно, что тот держится из последних сил, кисти его рук, покрытых старческими темно-коричневыми отметинами, дрожали, подбородок и нижняя губа отвисли и заметно тряслись. Рядом с юной, ослепительно красивой Анной, он казался ожившей мумией. Где только, и главное, – зачем, – она ее раскопала? Когда пришел момент обменяться кольцами, и Анна взяла в свою большую ладонь сморщенную лягушачью лапку жениха, гости, забыв об усталости, затаили дыхание. Вот оно, – их Большерукая землячка вышла замуж за гражданина из другого мира. «И в горе, и в радости, любите друг друга. Да благословит вас луноликая Ратши!».

Майский полдень – самый солнцепек. Вышедшие из стоящей на пригорке церкви гости осыпали, как водится, новобрачных дождем из монет и конфет, и заторопились спуститься вниз, в спасительную прохладу деревьев. Ребятишки бросились поднимать с земли свадебные трофеи. Все, кроме Дорина. Он, растолкав толпу, пулей сбежал к подножию холма, его сердце отчаянно билось: все кончено, Анна вышла замуж.

К глазам подступали слезы, и сдерживать их становилось все труднее.

– Успокойся! – Приказал себе вслух мальчик. – Тебе восемь лет. В таком возрасте мужчины уже не плачут.

Он поднял взгляд наверх, на пригорок, откуда медленно спускались молодожены. Может, это только сон? Вот грациозно, как будто не идет, а плывет по воздуху, спускается его дорогая красавица Анна, а рядом с ней семенит, опираясь на палку с большим набалдашником, сморщенное семидесятилетнее чудовище. Вот они остановились, чтобы чудовище могло немного отдохнуть, и Анна краешком своей кружевной фаты заботливо промокнула пот с изрезанного морщинами старческого лба. Он мог бы быть ее дедушкой, но никак не мужем. Дорина передернуло от отвращения. А может, он скоро умрет? Да, он же такой старый! Он долго не протянет! Эта мысль немного приободрила мальчика. Он понимал, что нехорошо желать смерти другому человеку, тем более, что Букни, так звали мужа Анны, не сделал ему ничего плохого. Безусловно, Дорин прекрасно осознавал, что желать смерти другому человеку, это большой грех, но ничего не мог с собой поделать. На это у Дорина были свои причины.

Во-первых, Букни был очень старым, а старики не должны жениться на молодых девушках, уж в этом-то Дорин был абсолютно убежден. Во-вторых, Букни был Обыкновенным и собирался увезти Анну к себе, во Второй мир. Анна уверяла брата, что уедет всего лишь на неделю оформить все связанные с бракосочетанием документы, но Дорин не верил ей. Даже если она вернется через неделю, как обещала, где гарантия, что, побыв с Дорином несколько дней, сестра вновь не уедет назад? Его родители уже несколько лет работали во Втором мире, приезжая домой только на праздники, и так делали почти все Большерукие взрослые. Они уезжали в другие миры на заработки, а их дети оставались одни. Ну, строго говоря, не совсем одни, так как, как правило, за ними присматривали бабушки, тети, старшие братья или сестры. Вот и Дорин последние четыре года провел с Анной. Все эти четыре года он очень скучал по родителям, но теперь, если сестра уедет с Букни, он останется совсем один. Это было чертовски несправедливо! Дорин не желал оставаться один, потому что дети имеют полное право жить в семье. И еще (хотя в этом он никогда никому не признался бы) потому что он ужасно боялся Дурноголосых Птицекрылов.

Глава вторая.

ПРОИСШЕСТВИЕ С БУКНИ

После окончания свадебной церемонии гости заметно оживились, - впереди их ждало веселое свадебное застолье. В Третьем мире традиции чтутся свято, а по традиции на свадьбу, как и на похороны, может прийти любой родственник, сосед, да и просто земляк без всякого приглашения. Рождение детей здесь не отмечают, так как это явление обычное и повсеместно распространенное, а свадьбы в этих краях бывают у каждого не больше одного раза в жизни (и здесь, конечно, встречаются некоторые исключения, но очень-очень редко). Тогда как во Втором и особенно в Первом мире все происходит наоборот: мужей и жен меняют часто, а детей рожают все реже. Считается, что от большого ума.

- Тост! У меня есть тост, - застучал ложкой по бокалу Петр, папа Анны и Дорина.

Его Большерукие гости, расположившиеся за несколькими накрытыми прямо во дворе столами, отреагировали не сразу. Немногочисленные присутствующие здесь мужчины уже изрядно подзаправились молодым местным вином, представленном на столах в таком изобилии, что в качестве тары использовались не только бутылки, графины, кувшины, но также трехлитровые банки, разнокалиберные сосуды и чайники. Вино, как известно, располагает к оживленным разговорам, именно ими сейчас и было занято большинство из гостей. Женщины, которых тоже было не слишком много, сплетничали, обсуждая наряды присутствующих и свои пустяковые, с мужской точки зрения, дела и заботы. Старики

и дети, а они-то и были на свадьбе в большинстве, пели, а кое-кто и приплясывал под нескончаемые народные мелодии в исполнении приглашенных по такому случаю музыкантов. Последние бодро водили смычками по струнным инструментам и весело насвистывали на деревянных резных свирельках. Вокруг стоял шум и гам. Петр, слегка покачиваясь, поднялся и вновь постучал ложкой по бокалу, требуя внимания публики. Постепенно гул голосов и звук народных мелодий затих.

– Дорогие мои... – Начал папа тихим слегка осипшим голосом, но решительно откашлявшись, уже громче продолжил, – я хочу пожелать дорогим Анне и Букни, нашим детям... – Папа бросил нежный взгляд в сторону новобрачных и слегка осекся, – «дорогой ребенок» Букни, судя по некоторым явственным признакам, пребывал в сладком старческом сне. Поймавшая папин взгляд Анна несильно, но ощутимо ткнула мужа в бок и одновременно, захватив ловким быстрым движением больших пальцев краешек своей фаты, стерла стекающую по подбородку мужа струйку слюны. Букни открыл глаза и заулыбался миру бессмысленной улыбкой человека, которому в силу его возраста можно простить многое, если не все.

Оратор молчал, собираясь с мыслями. Гости ждали.

– Давайте выпьем за дружбу народов! – провозгласил наконец Петр. – Моя дочь только что вышла замуж за Обыкновенного. Я сам работаю в Римосте, столице Второго мира, уже четвертый год. Я верю, что наступят те времена, когда миры объединятся, и мы все будем вместе.

Двое соседствовавших за дальним от Петра столом гостей, пожилой степенный Богдан, и молодой, юркий, но слегка косоглазый Ион, многозначительно переглянулись.

– Дружба народов? – Негромко усмехнулся Богдан. – Не он ли в молодости был активистом молодежного движения за независимость Третьего мира?

– Да ладно, Богдан, – примирительно махнул рукой Ион. – Все наши в те времена были за независимость Третьего мира. И мой отец тоже. Мы же тогда процветали. Разве кто-то думал, что эти чертовы Большеголовые с каждым годом будут изобретать все больше новых механизмов, которые будут замещать труд наших рук. И мы будем все беднее и беднее. Они теперь, видите ли, не хотят закупать нашу пшеницу, фрукты и овощи, потому что их машины-роботы выращивают все это в искусственных теплицах под искусственным солнцем. А то, что на вкус эти фрукты и овощи тоже искусственные, а? Тьфу! – Ион смачно сплюнул на землю.

– Да, – вздохнул Богдан, – как изменилась жизнь... А если бы сейчас вернуться к идее объединения трех миров? Разве Обыкновенные, а я уже молчу про Большеголовых, захотели бы объединиться с нами? Да скорее небо упадет на землю!

Ион со вздохом кивнул и поднял свой бокал. Соседи аккуратно чокнулись, и держа бокалы в воздухе, вновь обратили взгляды к другому концу стола.

– Да, я верю! И это так символично, что я... – от волнения или от количества выпитого речь папы на несколько секунд прервалась

икотой, сквозь которую ему не сразу, но все же удалось закончить фразу, – я работаю в столице Второго мира над строительством фонтана Дружбы народов. – Петр замолк и начал что-то искать в карманах пиджака.

Богдан и Ион снова переглянулись и без лишних слов осушили бокалы.

– Ну что, опять про свой фонтан завел? – шепнул Богдан соседу, целясь при этом вилкой в лежащую на тарелке оливку.

Ион кивнул и смачно откусил как минимум половину от красного с фиолетовыми прожилками помидора, формой и цветом удивительно напоминающего его собственный нос.

В это время Петр выудил наконец из внутреннего кармана пиджака затертую от времени фотографию. С полминуты он вглядывался в нее пристально и внимательно, как будто не узнавая, затем, очнувшись, продемонстрировал всем собравшимся.

На фотографии красовалась величественная скульптурная композиция: блестящий равнобедренный треугольник, на каждом из углов которого возвышался огромный золотой шар. Предполагалось, что треугольная основа будет вращаться вокруг своей оси по разным траекториям, а каждый из шаров будет извергать из себя наподобие вулкана огромную струю воды. Это и был знаменитый фонтан Дружбы народов – проект Всемирной Организации Объединенных Миров. На фотографии, собственно, был запечатлен не сам фонтан, а его проект, – многомерная композиция, созданная при помощи специальной компьютерной программы. Строительство фонтана в силу разных причин затянулось и продолжалось вот уже несколько лет.

Вновь вернувшиеся к закускам гости одобрительно закивали головами и зацокали языками, – красота! Прибодренный Петр пустил фотографию по рукам. Снимок с фонтаном быстро передавался из одних больших ладоней в другие, – многие видели его уже не первый раз и не задерживали на нем свои взгляды дольше нескольких секунд. Так продолжалось до тех пор, пока фотографию аккуратно не приподняли за края тонкие длинные смуглые пальцы, резко контрастирующие с огромными пятернями Большеруких. Владелец этих изящных пальцев, – молодой человек по имени Ило, был родом из племени Кочевников. То было особое племя, не принадлежащее ни одному из миров.

Ило потрянул густой черноволосой кудрявой шевелюрой, на миг открывшей правое ухо с золотой сережкой и, прищурившись, внимательно посмотрел на фонтан. Затем достал из кармана миниатюрную видеокамеру и навел ее сначала на фотографию, потом на свою соседку, подслеповатую старуху Ирму, на других гостей, на покачивающегося над столом Петра, украдкой зевавшую Анну и вновь погрузившегося в сладкий сон Букни. Молодой кочевник продолжал увлеченно снимать все вокруг до тех пор, пока объектив камеры требовательно не заслонила большая рука Ирмы, призывающая дать ей фото с фонтаном. Ило бросил последний оценивающий взгляд на фонтан и улыбнулся. Эта улыбка обнажила у него во рту несколько желтых коронок. И они, засверкав на солнце, вдруг

пустили блики по глянцевой поверхности фотографии, добавляя еще больше блеска фонтану, который, по замыслу архитекторов, планировалось отлить из того же вечного и прекрасного металла, что и коронки во рту Ило – из чистого золота.

Петр все еще стоял, наблюдая за фотографией, плывущей над поверхностью стола как подхваченный ветром бумажный кораблик. Вид этого зрелища воскрешал в нем какие-то ведомые ему одному чувства и воспоминания. Он всхлипнул, вновь икнул и собрался было продолжить свою речь, но сильная рука сидевшей рядом Марии потянула его за локоть пиджака вниз, призывая наконец сесть. Петр подчинился.

И вновь зазвучала музыка, осушились и опять наполнились вином бокалы, маленькие дети пустились в пляс. Гости вернулись к своим тарелкам, а Ило продолжал снимать праздник на видеокамеру. Он передвигался вдоль столов, с охотничьим азартом вылавливая объективом камеры все попадающие в поле зрения предметы, а также лица гостей, которые, впрочем, не обращали на него никакого внимания. Поравнявшись с местом, где сидели новобрачные, Ило остановился. Внимание кочевника привлек странный звук, доносящийся откуда-то снизу. Этот звук на фоне старавшихся всю музыку и общего гула разговоров был практически неразличим, и только тонкий слух, которым славились представители кочевого народа, смог уловить тихое настойчивое «вжик-вжик-вжик-вжик».

Ило подошел к краю стола, приподнял край скатерти и, убедившись, что на него по-прежнему никто не обращает внимания, легко и бесшумно проскользнул под стол. Через пару секунд кочевник обнаружил источник звука, и теперь его камера снимала мальчика с лобзиком, подпиливавшего ножку чьего-то стула.

Мальчик был так увлечен своим занятием, что не сразу заметил присутствие постороннего. Когда же он, наконец, поднял глаза и увидел нацеленный на себя объектив камеры, то вздрогнул и выронил лобзик из рук. Ило тотчас же положил камеру на землю, улыбнулся и поднял вверх большой палец правой руки, давая понять, что одобряет проказу. Дорин, а это конечно же был он, все еще пребывал в замешательстве. Тогда кочевник быстрым движением правой руки провел за ухом мальчика, при этом большой и средний палец его руки соединились, издав хрусткий щелчок, – и, оп-ля, на его раскрытой смуглой ладони появилась золотая монета. Дорин улыбнулся. Как и все дети, он обожал фокусы. Кочевник протянул ему монету, Дорин отрицательно замотал головой. Ило с деланным разочарованием положил монету себе в карман, подобрал с земли свою камеру и, встав на четвереньки, пополз под столом в обратном направлении, но через несколько секунд все же обернулся и заговорщически подмигнул мальчику. Дорин подождал, когда кочевник скроется из виду, после чего взял в руки лобзик и вернулся к своему увлекательному занятию.

Через несколько минут веселый ход свадебного застолья был прерван одним чрезвычайным происшествием. Стул под мирно

дремавшим до сей поры Букни вдруг ни с того ни с сего покачнулся, а затем как вышедшая из повиновения скаковая лошадь, резко накренился вбок и в мгновение ока сбросил своего седока. Земля смягчила звук, но не силу удара, и бедный новоиспеченный супруг лежал теперь распластанным на траве в нелепой неестественной позе, как кукла, брошенная в приступе ярости на пол капризным ребенком.

Анна и Мария тут же вскочили со своих мест и бросились к Букни. Музыканты перестали играть. Часть гостей ринулась из-за стола, стремясь оказаться на месте происшествия первыми. Те, кто не сумел так быстро сориентироваться, растерянно крутили головами, не зная, что следует делать, – оставаться на своих местах, пока веселье не возобновится или подойти к толпе земляков, окружившей упавшего со стула Обыкновенного. И только Богдан даже не шелохнулся, продолжая жевать, как жевал. Он лишь слегка прикрыл глаза тяжелыми набрякшими веками и, лениво зевнув, придвинул к себе кувшин с вином.

– Помер, дедушка, – уверенно констатировал Богдан, заученным движением наполняя вином свой стакан.

– Как впрочем и дружба народов. – Добавил он с философским видом. – Упокой, Великий Ун, их души!

И не чокаясь осушил стакан до дна.

Богдан ошибался. Букни был жив. Через полчаса после падения неподвижное худенькое тельце Обыкновенного уже возлежало на кровати в гостиной дома его новоиспеченных родственников, которые любезно отнесли его сюда на своих больших руках. Букни еле слышно постанывал. На голове старичка лежал холодный компресс, то и дело норовящий сползти с его покатога лба вниз, на прикрытые веками глаза. Анна, закусив губу, ходила по комнате из стороны в сторону, одновременно следя за передвижениями компресса и водворяя его на место по мере надобности. Пышный подол ее свадебного платья с легким шуршанием волочился по лакированным дощечкам дубового паркета.

– Где он? Вот пусть только попадетя мне на глаза! Он чуть не убил моего мужа! – Анна в приступе гнева сжала свои большие руки в увесистые кулаки.

Эти похожие на кувалды кулаки плохо уживались с образом тонкой хрупкой невесты, но скажи об этом Анне, она бы удивилась. Большерукие давно не замечали диспропорции в своем теле. То, что дано от рождения, воспринимается как норма.

Мария слегка покачивалась на стуле, бросая взгляды то на дочь, то на стонущего зятя, то, чтобы отвлечься, на предметы интерьера гостиной. Многие здесь было заработано их с мужем трудом. Плазменный телевизор, музыкальный центр, компьютер, аудиосистема, – вещи, которыми она почти не пользовалась, но которые символизировали достаток даже в других мирах, а уж у них, в Третьем мире, однозначно считались атрибутами роскоши. Ремонт, который она сделала по образцу того, что принято делать в домах Обыкновенных. Конечно, ей не доводилось бывать в Первом

мире, и она могла только представлять себе, как живут богатенькие Большеголовые, но что касалось Второго мира, тут она была профи. Четыре года работы сиделкой у богатой престарелой госпожи Кортеше сделали свое дело.

За это время Мария изучила все атрибуты современной комфортной жизни: оценила приятную прохладу шелковистых на ощупь обоев и невесомость тончайших тюлевых занавесок, щекочущий нос запах натертого мастикой дубового паркета и приятный приглушенный свет хрустальных бра, мягкость диванных подушек, обитых нежным плюшевым велюром и практичность так облегчающих жизнь человека бытовых технических приборов, приводимых в действие нажатием одной кнопки. Конечно же ей, как и любой женщине, хотелось иметь такую же красоту, достоинство и комфорт в своем собственном доме и она старалась, как могла. Сколько денег было потрачено на одни только материалы! Настоящий дубовый паркет, изразцовая кафельная плитка, виниловые обои, хрустальные светильники. Стиральная машинка, посудомоечная, микроволновка, мультиварка, отдельная сушилка для белья. Плита, в которой было столько автоматических функций, что она за свои короткие наезды домой не успевала воспользоваться и десятой частью из них. Двухкамерный холодильник, робот-пылесос, картины на стенах... Да что там говорить, на ремонт и благоустройство дома Мария не поскупилась – все зарубежное, все из других миров. Она не успела только украсить потолки, как собиралась, авторскими рельефными украшениями из лепнины, но теперь, когда Анна уедет во Второй мир...

– М-м-м-м, – мысли Марии были прерваны протяжным стоном Букни, больше походившим на жалобное мычание.

Анна тотчас же бросилась к мужу.

– Букни, дорогой, ну как вы?

Букни безмолвствовал. Анна подняла на мать взгляд, полный отчаяния и гнева.

– Анна, не злись, – полушепотом обратилась к дочери Мария. – Дорина тоже можно понять. Ему всего восемь. Ты что, не могла подождать еще годик-другой?

– Мама, какой годик-другой? – Также полушепотом возмутилась Анна. – Ты посмотри на него! А если бы он умер за это время?! Я бы осталась не с чем.

Мария нахмурилась и неодобрительно покачала головой.

– Скажешь тоже! Ну почему он должен так быстро умереть?! Он еще крепкий. – Урезонила она Анну. И, немного подумав, добавила: – Вот у госпожи Кортеше шансов больше. Я каждый год думаю, что это последний, что она не протянет дольше и мне придется искать себе новое место, но, как видишь... Не нам решать, кому сколько отведено.

– Мириам! Мириам! – послышался с кровати слабый старческий голосок.

Анна подошла к мужу и взяла в свою огромную ладонь его маленькую пятнистую детскую ручку. Обручальное кольцо, обнимающее безымянный палец старика, вряд ли смогло бы налезть

даже на мизинец его молодой жены, но отдав ей свою руку, Букни, вероятно, почувствовал себя в безопасности и перестал стонать.

– Почему он называет тебя Мириам? – удивилась Мария.

– Так звали его детскую любовь. Он женился на мне, потому что я на нее похожа. Мама, ты что не помнишь, я же тебе рассказывала...

– Ах, ну да... ты говорила... детская любовь... – Рассеянно произнесла мама. Она вдруг почувствовала, как на нее навалилась усталость. В последнее время события ее семейной жизни совсем вышли из-под контроля. Этот как снег на голову свалившийся жених. Он приехал сюда в заграничное путешествие. Агротуризм, – экология и близость к природе, – так продают у него на родине туры в Третий мир, а покупают их в основном пенсионеры, такие как Букни. Увидел Анну, которая оказалась похожа на его первую любовь. Сразу сделал ей предложение... ну а что ему, собственно, терять? Анна, не долго думая, ответила согласием. И вот эта скоропалительная свадьба, все так быстро, так неожиданно. И Дорина, конечно, можно понять... А сама она так много работает там, во Втором мире, день и ночь ухаживая за капризной госпожой Кортеше. На свадьбу дочери и то еле вырвалась. Взгляд Марии скользнул по лежащему на кровати зятю, перешел на стену рядом с кроватью и поднялся на потолок.

– Собиралась заказать лепные розетки к люстрам, – задумчиво произнесла Мария, – но если ты уезжаешь...

– Мама, я уеду на неделю. Оформлю все документы и вернусь.

– Можешь не возвращаться! – Мальчишеский голос прозвучал так громко, звонко и неожиданно, что женщины и уже совсем было успокоившийся Букни почти одновременно вздрогнули.

– А, явился! – Первой повернулась к двери Анна. – Ну иди сюда, иди. – Она подскочила к вошедшему в комнату брату и, схватив его за плечи, начала трясти.

– Зачем ты это сделал? Зачем? Ты хотел убить его?!

«Еще не хватало, чтобы они подрались», – подумала Мария и строго крикнула дочери: – Анна!

Дорин же, вместо того, чтобы отступить, продолжал распалать сестру еще больше:

– Предательница! – Крикнул он ей в лицо. – Ты предательница! Предательница!

Анна застыла с открытым ртом, не зная как ответить на такое несправедливое обвинение. Она разжала пальцы и, помолчав несколько секунд, с горечью в голосе сказала:

– Я предательница? Да как ты смеешь меня так называть?! Я же это и для тебя делаю. Через полгода я заберу тебя отсюда. Ты будешь жить во Втором мире. Ты пойдешь там учиться, у тебя будет совсем другая жизнь! Ты...

– Не нужен мне твой Второй мир, – перебил ее Дорин. – Сама живи там со своим чудовищем!

И пока Анна думала, что на это ответить, ее брат вдруг бросился к кровати, на которой покоился Букни.